

УДК 39+31:303.01

А.А. Авдашкин

ГЛОБАЛЬНЫЕ И ЛОКАЛЬНЫЕ ДИАСПОРЫ

В статье рассматриваются основные тенденции в изучении диаспор историками, антропологами, социологами и политологами на макро- и микроуровнях, обобщены наиболее результативные идеи зарубежных и отечественных школ изучения этнических явлений. В основе макроподхода положены фундаментальные труды иностранных авторов, написанные в традиции «диаспор-жертв» (классических диаспор), идей о торговых этнических и религиозных меньшинствах, а также постулатов транснационализма. Внимание ученых приковано к трансграничным связям и контактам, участию диаспор в международных отношениях, в том числе лоббированию интересов исторической родины или страны исхода. В таком истолковании диаспоры предстают как «глобальные», выглядят множеством организованных «общин», образующих целостные и весьма влиятельные социальные, культурные, хозяйственные и в некоторых случаях даже политические единицы. «Глобальные» диаспоры в известной степени виртуальны, основаны на общности происхождения и связанных с этим фактом ценностях, знаниях и оценках. Солидарность носит символический характер и проявляется главным образом в дни национальных и религиозных праздников, годовщин важных исторических событий и т. д. Этого нельзя сказать о представителях этнодисперсных групп, образующих локальные анклавов, где общность происхождения дополняется общностью проживания, пространственной и социальной близостью. Применение микроподходов предполагает описание диаспорных и мигрантских объединений в более узких территориальных рамках и концептуальных границах, включающих регион, город, поселение, семью или даже отдельного этнического индивида. Локализация объекта исследования позволяет полнее понять специфику отношений внутри диаспор, детально проследить как функционируют эти сообщества, в чем заключается образ жизни их членов, что есть диаспора как специфическая жизненная ситуация и (или) личностный выбор.

Ключевые слова: диаспора, исторические исследования, глобальные диаспоры, трансграничные взаимодействия, этнический индивид, локальные диаспорные сообщества.

Постановка проблемы

Теоретические и методологические вопросы, связанные с этническими мобилизациями, ростом трансграничных миграций, занимают все большее место в трудах ученых. Особое внимание привлекает феномен диаспор. Данные сообщества сочетают многие, казалось бы, противоречащие друг другу особенности: приверженность традициям, некоторая культурная, а иногда даже социальная изолированность от принимающего общества часто граничит с открытостью, активным взаимодействием на трансграничном уровне. Иными словами, диаспоры интегрированы в принимающем обществе, но в то же время сохраняют прочные связи с исторической родиной (страной исхода) и высокий уровень социальной адаптивности.

Теме диаспор уже посвящен солидный объем литературы. Разработан и апробирован соответствующий методологический инструментарий [29; 55]. Прослеживаются два основных направления исследований. На макроуровне ученые сосредоточились на глобальных диаспорах, на множестве общин, представленных в той или иной стране, части света, выявляется их роль в международных отношениях и т. д. В то же время всё чаще публикуются работы, посвященные описанию диаспорных и мигрантских объединений в более узких территориальных рамках (регион, город, поселение).

В представленной статье сопоставлены макро- и микроуровни диаспорных исследований, выявлены актуальные вопросы теории и практики изучения диаспор на глобальном и локальном уровне. Междисциплинарный характер темы побуждает исследователей к обновлению исследовательского инструментария, учету наработок смежных дисциплин, таких как история, социология, социальная и культурная антропология, политология. Рамки статьи не позволяют полностью охватить весь спектр подходов и интерпретаций феномена диаспор, поэтому внимание было сосредоточено на основных вехах и сюжетах.

Зачастую в литературе предпринимались попытки ответить на вопрос о том, что такое диаспора? Однако опыт показал, что более продуктивным является поиск ответа на вопрос о том, как функционирует диаспора?. Ответ на этот вопрос требует обновления концептуальной базы и изменения исследовательского фокуса. Основное число исследований в этой области проводится на макроуровне. Применяются преимущественно количественные методы, что малопродуктивно в изучении влия-

ния миграции на принимающее общество на мезоуровне, и конструирование региональных (локальных) диаспор. Для формирования четкой научной картины проблемы требуется выход на микроуровень. Это предполагает анализ биографических ситуаций, жизненных стратегий и практик, ценностей и поведенческих нормативов [22. С. 78; 44. С. 7].

Глобальные диаспоры: от диаспор-жертв до кибердиаспор

Интеллектуальной первоосновой диаспорных исследований является традиция классических диаспор, где роль идеального типа играет опыт еврейской диаспоры. Причина возникновения классических диаспор заключается в недобровольности характера их переселения. Условия образования этнических рассеяний сравнивались с диаспорами, возникшими в результате гонений, выселений, геноцида, угона в рабство и голода как причин миграции и пребывания в отрыве от реальной или воображаемой родины. Впервые понятие «диаспора» в этом контексте использовал Дж. Шеперсон применительно к африканцам за пределами Африки [62]. Сторонники классической диаспоры сравнивали опыт жизни еврейской, армянской и других классических диаспор с этнодисперсными группами, возникшими в более поздний период [58; 60; 61; 64; 65; 67; 68].

Неотъемлемыми чертами рассеянных этнических сообществ является высокая степень адаптивности, выполнение посреднических функций в обществе (торговля, сфера услуг и т. д.). Эта особенность диаспор взята за основу в статьях и монографиях, посвященных торговым меньшинствам. Так, Э. Бонасич и Дж. Модел связывали предпосылки выживания и делового успеха диаспор с их умением завязывать и расширять полезные контакты [53; 54]. В схожем ключе выполнены исследования А. Козна, Дж. Армстронга, Ф. Кэртина и Г. Ванг [51; 52; 56; 57; 66].

Большинство определений диаспоры включают такие обязательные характеристики, как причина расселения, поддержание связей со страной исхода в стране поселения и включение (интеграцию) мигрантов и/или меньшинств. Несмотря на то что между сложившимися точками зрения специалистов наблюдаются существенные различия, общее понимание диаспоральности тесно связано с осмыслением перемещения, расселения и миграции.

Учитывая, что одной из основных предпосылок отнесения этнической группы к диаспорам являются наличие исторической родины и факт жизни в рассеянии, пристальный интерес ученых привлекают отношения на трех уровнях: страна исхода (родина) – диаспора – страна проживания (принимающее общество). Так, В. Сафран указывал на такие признаки диаспор: рассеивание из первоначального исторического центра в различные регионы; коллективная память о стране исхода, ее мифологизация; ощущение, восприятие себя в качестве чужаков в принимающем обществе; стремление к возвращению на родину; помощь, сохранение связей со страной исхода; высокий уровень групповой сплоченности, основанный на идентификации со страной исхода [61. Р. 83-84].

Глобализация, рост транспортной и информационной связности различных частей света привели к тому, что диаспоры принимали всё более плотное участие в разветвленных сетях коммуникаций, образованных «поверх» государственных границ. Одним из родоначальников изысканий по теме диаспор в концептуальных рамках транснационализма является Г. Шеффер [63]. Общеизвестным стал тезис, что диаспоры, используя свои связи на международном уровне, становятся все более влиятельными в политике, культуре и других сферах общественной жизни.

Связь между степенью интегрированности этносоциальных сообществ в местах проживания и трансграничной активностью была открыта и активно разрабатывается сторонниками транснациональных подходов. Аналогичным образом в трудах, посвященных диаспорам, изучаются вопросы о взаимосвязи между культурной автономией меньшинств и интегрированностью в принимающее общество. Транснационализм является более широким понятием, чем диаспора, в двух отношениях. Диаспоры относят к религиозным и этническим общинам, тогда как категории, связанные с транснационализмом, включают обширный перечень международных организаций, бизнес-сети и социальные движения и т. д. В постмодернистских концепциях диаспора относится к форме транснациональной активности, охватывающей страну исхода (родину) и несколько стран проживания. Напротив, транснациональное сообщество охватывает более широкий круг явлений, например неформальные связи и отношения между приграничными территориями и поселениями. Иными словами, транснациональные сообщества могут включать в свою структуру диаспоры. Однако не все транснациональные сообщества являются диаспорами [59. Р. 20-21].

Теоретический аспект диаспоральных исследований касается идентичности и мобильности. В изучении диаспор основное внимание уделяется различным составляющим коллективной идентичности, в то время как позиция транснационалистов исходит из представлений о трансграничной мобильности. Теоретические построения, посвященные диаспорам, касаются рассеяния (добровольного или вынужденного), за которым постепенно возникает и устойчиво воспроизводится этническая общность, обладающая ярко выраженной коллективной идентичностью. Диаспоральная идентичность может быть по своему характеру трансполитической и транстерриториальной. Тем не менее она может поддерживаться и пространственно, например в форме воспроизводства локусов родины. К их числу относятся этнические кварталы¹. В них концентрируется диаспоральная инфраструктура: школы, культурные центры, кафе национальной кухни, молитвенные дома и др. [15].

В отечественной науке отчетливо заявили о себе политологические аспекты проблемы. Прежде всего они разрабатывались в контексте международных отношений, конфликтологических и коммуникативных сюжетов, а также института трансграничного лоббизма [4; 19; 21; 25].

При подготовке ряда диссертационных изысканий историки расширили проблемное поле научного поиска по теме российских диаспор. В диссертации А.Б. Ручкина в контексте российско-американских отношений первой половины XX столетия рассмотрено становление и развитие русской диаспоры в США, возникшей после эмиграции из Российской империи и СССР [39]. Большой материал собран о диаспорах обширного западносибирского края. Т.Б. Смирновой на примере немецкого населения региона определены принципы развития и особенности функционирования диаспорной группы [43]. Д.Г. Коровушкин выявил закономерности этнического и этнокультурного развития сельских переселенческих диаспор в Западной Сибири в конце XIX – начале XXI вв. [20]. А.А. Шевцовой проведено комплексное этнологическое исследование динамики закавказских диаспор Республики Мордовия на современном этапе [50]. Предпринимаются попытки более масштабных исторических исследований. Так, И.Ю. Заринов проследил стадии исторического развития польской диаспоры в России, США и Бразилии [14].

События «крымской весны» наложили отпечаток на направления научного поиска и дискуссии, касающиеся сущности диаспор в современном мире. А.Б. Ручкин пришел к выводу, что формирование лояльности современных диаспор к стране исхода предполагает отказ от взаимодействия с государством напрямую и установление широких партнерских отношений диаспорных организаций родины и стран проживания [40].

В последние десятилетия сложилось и динамично развивается глобальное информационное пространство. Диаспоры достаточно активно презентуют себя в глобальной сети Интернет. В научной литературе утвердились такие термины, как «кибердиаспоры» и «цифровые диаспоры» [9. С. 101-103]. Киберпространство не только несет на себе отпечатки реальных картин этничности, но и генерирует новую «цифровую этничность». Предполагается, что изучение этого типа этничности возможно на основе применения интернет-этнографии. Интернет представляет исследовательское пространство, которое находится в постоянном доступе, оно легко поддается наблюдению и анализу. Для развития этого нового направления этнографии и социальной антропологии интернет открывает широкое поле для интерпретаций. Х. Тололян отметил: «Члены диаспор могут с поразительной скоростью узнавать подробности о событиях в жизни метрополии, их семей, об экономических и политических изменениях в масштабах целой нации. К примеру, я подписан на армянскую новостную службу (ANN), которая генерирует подборку из всех онлайн-новостей, содержащих слова “Armenia” или “Armenian”. В результате каждое утро я получаю 100–150 новостей на английском или французском языке самого разного объема и тематики: начиная от описания того, как армяне отмечали годовщину геноцида в Марселе, и заканчивая сообщениями о футболисте «Боруссии» Г. Мхитаряне. Кроме того, доступны десятки веб-ссылок на разного рода статьи и видео. В обычный день я трачу на просмотр этих сообщений не менее часа, иногда – больше» [16]. Исследователь подчеркнул, что переход к цифровым технологиям кардинально поменял образ жизни в диаспоре. Влияние медиа на диаспоральные сообщества необходимо анализировать в двух плоскостях: способы передачи информации, способы культурного производства.

Ученые ведут поисковые исследования, чтобы выяснить, как рассеянные по миру члены диаспор с помощью глобальной сети Интернет иницируют новые связи, диаспоральные дискурсы и практики, в которых не только воспроизводится уже известная и доступная иными способами ин-

¹ Например, чайнатауны, «Маленькая Италия» в Нью-Йорке, «Маленькая Одесса» в Бруклине, «Маленькая Турция» в Берлине, гетто во многих городах, территории, прилегающие к этническим рынкам.

формация, но и создается новая [9. С. 101-103]. В. Бернал осветила консолидацию диаспорального киберпространства и политическую мобилизацию культурных центров мигрантов из Эритреи с помощью медиа-технологий. П. Вербнер и А. Аппадурраи подчеркивали высокую важность цифровых технологий для развития публичного пространства диаспор. Анонимность интернет-общения открывает широкие возможности для распространения нелицеприятных политических мнений и предрасудков. А. Онг справедливо отметил, что «глобальная цифровая диаспора», часто лишенная повседневных социальных взаимодействий, способна породить новый культурный дискурс, приоритетными сторонами которого могут являться сомнительные абстракции (цит. по [16]).

Локальные диаспорные общности и этнический индивид

Потребность в получении более детальной картины социальной организации диаспорных сообществ ведет к локализации объектов анализа. В последние годы представители гуманитарных наук все чаще обращаются к локальным объектам исследования [4; 6; 10; 26; 28; 38; 47]. Продуктивен посыл, предложенный В.Д. Попковым. Диаспора рассматривается в качестве сети общин, где структурной основой являются «узлы» – тесно связанные между собой более плотной сетью коммуникаций общины одного региона [31. С. 8]. Диаспора тем самым означает существование «оболочки» из сетей коммуникации, она объединяет группы людей по этническому признаку. Так образуются общины диаспоры, наличие множества общин является одним из основных признаков существования диаспоры.

Определенным теоретическим и практически заделом в этом русле обладают и историки, хотя в локальном разрезе количество публикаций пока невелико. Отдельного упоминания заслуживает литература, посвященная интерпретации феномена этнических рынков. Рынки под открытым небом возникли при деконструкции социалистической экономики и активно интегрировались в глобальную систему не только торговых, но и социокультурных отношений. Рыночные сообщества стали анклавом этнического бизнеса и экономики, местом и механизмом экономической и социальной адаптации трансграничных мигрантов. На данных площадках происходила их социальная организация и концентрировалась экономическая деятельность. В.И. Дятлов рассмотрел взаимоотношения кавказских и китайских сообществ Иркутска и принимающего общества, раскрыл основные конфликтогенные факторы, ведущие к росту ксенофобии [11; 12]. Исследование диаспор сквозь призму идеи посреднических/торговых меньшинств позволяет выявить социальные аспекты межэтнических взаимодействий, описать роль диаспорных меньшинств в местной экономике, определить, какое влияние оказывает социальное неравенство на межэтническое восприятие. Такие исследования в основном проводились на материалах Сибири и Дальнего Востока [7; 13].

Усложнение этнокультурного многообразия практически всех российских регионов побудило историков к обобщению накопленного опыта адаптации мигрантов и выявлению реакции на их присутствие со стороны властей и российского общества. В статьях В.В. Амелина, И.М. Габдрафикова и А.В. Черных на материалах Урала показана деятельность общественных организаций среднеазиатских и кавказских диаспор, описано положение «новых» этнических групп в региональных социумах [1; 2; 8; 49].

В ряде диссертационных сочинений историков описана история корейцев Краснодарского края и Северо-Западного Кавказа, армянской общины в Москве [3; 32; 42]. Достигнуты важные результаты в построении современного полиэтничного облика г. Томска, включающего греческую диаспору, «новые» диаспоры (кавказские и среднеазиатские), активный этап формирования которых приходится на постсоветский период [17; 27; 30].

Обзор теоретических основ и результатов, полученных историками в изучении диаспор, показал, что не разработанными остаются такие сюжеты, как включенность этнического индивида в диаспоры, формирование и динамика образов диаспор как в местных, так и в этнических средствах массовой информации.

На наш взгляд, решить задачи, связанные с проблемой отношений индивида и коллектива в рамках диаспор, может обращение к антропной парадигме. Примером его успешного привлечения к разработке диаспоральной тематики служат идеи, изложенные в трудах М.А. Фадеичевой. С точки зрения автора, община и диаспора принципиально разные явления. Община и «общинность» предполагают групповую форму сопребывания, в то время как диаспора – это все же индивидуальное состояние. Нельзя людей, находящихся «за пределами своей исторической родины», автоматически причислять к членам диаспоры, поскольку сам факт рассеяния неверно интерпретировать как институциональную форму. Этнический индивид может принадлежать или не принадлежать к этнической

общине, может быть приобщен, а может оставаться в диаспоре. Находящиеся в рассеянии этнические индивиды могут образовывать одну и более этнических общин или вовсе отказаться от этого. Главная цель любой этнической общины – собирание рассеянных этнических индивидов, перевод как можно большего числа людей из диссоциированного состояния в ассоциированное. Община тем самым является ассоциацией индивидов, а значит, и устранением самого факта диаспоры.

Избежать умножения сущностей вполне возможно. Для этого достаточно, например, рассуждать о евреях, армянах и прочих этнических сообществах того или иного города, региона, а не причислять всех их к диаспоре по факту рождения. На основе коммунитарной парадигмы диаспоры интерпретируются как единое этническое целое (общины). Происходящая на этой основе абсолютизация количественного подхода влечет за собой искаженное восприятие этнической истории, а, следовательно, неверное понимание причин роста этнокультурного многообразия в современной России. Подобный этноцентричный подход игнорирует социальную стратификацию этнического массива, насаждает интолерантность и этнонационализм [45. С. 149-150; 46. С. 18].

Востребованы достижения социологической науки. Продуктивен метод миграционных историй К.С. Мокина. Автор определял их как миграционный опыт группы (семья, этническая группа, анклав мигрантов), включающий мотивы миграционного поведения, территорию исхода, выбор пути перемещения, в целом весь опыт обустройства в принимающем обществе [26. С. 95]. На примере группы мигрантов-армян из г. Балаково (Саратовская область) исследователь проследил, как причины и характер переселения, пути миграции и выбор места поселения влияют на внутреннюю структуру адаптирующейся группы, под воздействием чего складываются основные типы взаимоотношений и взаимодействий внутри общины.

Значительным потенциалом в изучении поставленной темы обладает исследование периодической печати, прежде всего региональной. Зачастую это более доступный и емкий источник по постсоветскому периоду, чем архивные документы. Печатные издания и электронные новостные ресурсы содержат на своих страницах колоссальный объем сведений, качественный и количественный анализ которых позволит реконструировать исторические образы многих объектов социальной реальности. Это в полной мере относится и к диаспорным группам, различным категориям мигрантов.

Репрезентация этнокультурного многообразия в российской прессе, в том числе в этнических средствах массовой информации, уже достаточно широко освещена в научной литературе [18; 23; 24; 33; 35; 37; 41]. Значительно реже специалисты изучают информационное пространство регионов, особенно полиэтничных и вовлеченных в трансграничное взаимодействие с участием местных диаспор. На сегодняшний день это направление локальных исторических исследований слабо представлено на страницах академических изданий. Публикации такого характера пока носят единичный характер.

В.Н. Рокачев установил, как и какие образы этнических сообществ конструируются на страницах газет Краснодарского края [36]. Основные социальные характеристики мигрантов-таджиков на материалах печатных изданий г. Перми раскрыл А.В. Черных [48]. Наблюдается расширение проблемного поля и территориальных рамок такого рода исследований, в научный оборот вводится понятие дискурса о диаспорах не только в федеральных, но и в региональных медиа. В.М. Пешковой выявлено как осуществлялась репрезентация выходцев с Северного Кавказа в медиа Тюменской и Нижегородской областей, Краснодарского края и Республики Адыгея в 2010–2015 гг. Анализ печатных и электронных текстов региональных СМИ, проведенный автором, позволил выделить несколько основных тем, в контексте которых происходит репрезентация северокавказских сообществ и социальных ситуаций с их участием: региональная национальная политика, миграция и межэтнические конфликты, участие в организации и проведении национальных, общегосударственных и региональных праздников, национальная культура, традиции и обычаи [34].

Заключение

Идея о том, что диаспоры подвержены, с одной стороны, процессам глобализации, а с другой – локализируются и «замыкаются» в местах проживания, имеет серьезные основания. На множестве примеров выявлена растущая роль диаспор в современном мире, доказано формирование единого поля коммуникаций, идентичности и исторической памяти для рассеянных по всему миру частей той или иной диаспорной группы. В настоящий момент сложился целый ряд глобальных диаспор. Реконструкция этих сложных и многообразных процессов требуется как для понимания динамики развития того или иного диаспорного сообщества и его составляющих, так и для изучения диаспоростроительства в целом. Наблюдается и противоположная тенденция. В известной степени глобальные диаспо-

ры являются аналогом воображаемых сообществ. Обмен информацией, опытом «жизни на чужбине» и образами имеет большое символическое и аффективное значение, но при этом глобальные диаспоры лишены возможности повседневного и постоянного социального взаимодействия своих представителей лицом к лицу. Локальное «историописание» открывает более широкие перспективы интерпретации отношений между этноконфессиональными меньшинствами и принимающим обществом, создания и развития сетей диаспорных институтов, индивидуальных и коллективных практик адаптации трансграничных мигрантов.

Наиболее перспективными для исследовательской разработки сюжетами являются: описание опыта и образа жизни в диаспоре этнического индивида, уточнение степени и причин его включенности в диаспорные коллективы (case-study, устная история, локальная история); анализ формирования и динамики образов диаспор как в местных, так и в этнических средствах массовой информации (качественный и количественный анализ дискурса о диаспорах в региональных средствах массовой информации и т. д.); описание «цифровых» диаспор методами киберэтнографии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амелин В.В. Новые этнические группы Оренбуржья: турки-месхетинцы // Народы Кавказа в Уральском регионе. Оренбург, 2014. С. 110-114.
2. Амелин В.В. Среднеазиатские мигранты в Оренбуржье // Новые этнические группы в России. Пути гражданской интеграции. М., 2009. С. 320-324.
3. Арсибекова Т.В. Армянская диаспора в Москве. История формирования и этнокультурное развитие в конце XX–начале XXI вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2012. 42 с.
4. Асвацатурова М.А. Виртуозы диаспорного стиля жизни в Ставропольском крае // Диаспоры. 2002. № 1. С. 53-68.
5. Асвацатурова М.А. Диаспоры в Российской Федерации, формирование и управление: на материалах Северо-Кавказского региона: дис. ... докт. полит. наук. Москва, 2003. 530 с.
6. Бредникова О.Е., Паченков О.В. Азербайджанские торговцы в Петербурге: между «воображаемыми сообществами» и «первичными группами» // Диаспоры. 2001. № 1. С. 131-147.
7. Бурнасов А.С. Китайский рынок как логистический центр: на примере рынка «Таганский ряд» в Екатеринбурге // Мигранты и диаспоры на Востоке России: практики взаимодействия с обществом и государством. М., 2007. С. 68-80.
8. Габдрафиков И.М., Хуснутдинова Л.Г. Этнические общины и мигранты в Башкирии: особенности интеграции // Новые этнические группы в России. Пути гражданской интеграции. М., 2009. С. 231-260.
9. Головнев А.В., Белоруссова С.Ю., Киссер Т.С. Вэб-этнография и киберэтничность // Уральский исторический вестник. 2018. № 1. С. 100-108.
10. Григоричев К.В. «Таджики» в пригородах Иркутска: сдвиги в адаптивных практиках // Диаспоры. 2010. № 2. С. 261-282.
11. Дятлов В.И. Кавказцы в Иркутске: конфликтогенная диаспора // Нетерпимость в России: старые и новые фобии. М., 1999. С. 113-135.
12. Дятлов В.И. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? (Китайцы и кавказцы в Иркутске). М., 2000. 190 с.
13. Дятлов В.И. Этнические рынки в современной России – ускользящий объект исследовательского внимания // Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи. Иркутск, 2015. С. 16-41.
14. Заринов И.Ю. Поляки в диаспоре. Сравнительная характеристика этнической истории польских диаспор в России, США и Бразилии. М., 2010. 268 с.
15. Интервью с Уильямом Сафраном, Робинот Коэном и Йосси Шаином // Новое литературное обозрение. № 3. 2014. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/5149> (дата обращения: 20.02.2018).
16. Интервью с Хачигом Тололяном // Новое литературное обозрение. № 3. 2014. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/5148> (дата обращения: 20.02.2018).
17. Карагеоргий Е.М. «Сибирские Афины», или «греческое» в пространстве г. Томска (на примере Томской национально-культурной греческой автономии) // Вестн. Томск. гос. ун-та. История. 2015. № 5. С. 71-79.
18. Карпенко О. Как и чему угрожают мигранты? Языковые игры в «гостей с юга» и их последствия // Миграция и национальное государство. СПб., 2004. С. 62-84.
19. Ким А.С. Этнополитическое исследование современных диаспор (конфлитологический аспект): автореф. дис. ... докт. полит. наук. Санкт-Петербург, 2009. 41 с.
20. Коровушкин Д.Г. Диаспоры в Западной Сибири: особенности этнокультурного развития сельских сообществ в конце XIX – начале XXI вв.: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 2009. 48 с.
21. Кртян Л.А. Роль армянской диаспоры в политическом процессе Французской Республики: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2011. 25 с.

22. Лошкарев И.Д. Эволюция понятия «диаспора» в политической науке // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 4 (106). С. 70-78.
23. Малькова В.К. Мобилизация этнических сообществ в современной России: по материалам этнических СМИ. М., 2011. 209 с.
24. Малькова В.К. Современные этнические СМИ как инструмент консолидации этнических сообществ // Этнографическое обозрение. 2009. № 1. С. 139-153.
25. Мыльников М.А. Этническая диаспора как субъект политических коммуникаций: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Астрахань, 2009. 25 с.
26. Мокин К.С. Балаково: миграционные истории армян // Социс. 2007. № 2. С. 94-101.
27. Нам И.В. «Новые» этнические группы (диаспоры) в г. Томске // Вестн. Томск. гос. ун-та. История. 2015. № 5. С. 33-43.
28. Пешкова В.М. Среднеазиатские «этнические» кафе Москвы: мигрантская инфраструктура в городском пространстве // Этнические рынки в России: пространство торгового и места встречи. Иркутск, 2015. С. 186-202.
29. Пешкова В.М. Теоретико-методологические основания изучения диаспорных сообществ: краткий обзор зарубежных и российских подходов // Диаспоры и землячества: опыт регионального измерения. М., 2016. С. 18-32.
30. Погодаев Н.П. Риски «колонизации будущего»: русский авось и таджикский таваккалан в университетском пространстве Томска // Вестн. Томск. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2016. № 1. С. 89-106.
31. Попков В.Д. Диаспорные общины в межкультурном взаимодействии: пути формирования и тенденции развития: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Москва, 2003. 48 с.
32. Попова Ю.Н. Корейская диаспора Краснодарского края: историко-культурные аспекты (XX – начало XXI вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2004. 28 с.
33. Пешкова В.М. Диаспорные печатные издания как альтернативное медийное пространство для репрезентации этнокультурного разнообразия России // Журн. социологии и социальной антропологии. 2013. № 4. С. 124-142.
34. Пешкова В.М. Репрезентации северо-кавказских сообществ в региональных медиа // Журналист. Социальные коммуникации. 2016. № 3 (23-24). С. 148-158.
35. Пешкова В.М. Средства массовой информации диаспор в социокультурном пространстве современной России // Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России. М., 2015. С. 442-464.
36. Ракачев В.Н., Ракачева Я.В. Образ диаспор в прессе Краснодарского края // Диаспоры. 2006. № 4. С. 6-37.
37. Расизм в языке социальных наук. СПб., 2002. 224 с.
38. Румянцев С.Ю., Брамидзе Р. Азербайджанцы и грузины в Ленинграде и Петербурге: как конструируются диаспоры (завершение темы) // Диаспоры. 2009. № 1. С. 6-38.
39. Ручкин А.Б. Русская диаспора в Соединенных Штатах Америки в первой половине XX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Москва, 2007. 40 с.
40. Ручкин А.Б. Русская диаспора в США: реакция общественных организаций на события на Украине и присоединение Крыма // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 1. С. 201-215.
41. Рыжова С.В., Пешкова В. М. Язык межкультурного восприятия в СМИ // Социология межэтнической толерантности. М., 2003. С. 119-124.
42. Симонян М.С. Армянская диаспора Северо-Западного Кавказа: формирование, культурно-конфессиональный облик, взаимоотношения с властью, общественными и религиозными объединениями: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2003. 25 с.
43. Смирнова Т.Б. Немецкое население Западной Сибири в конце XIX – начале XXI в.: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Омск, 2009. 46 с.
44. Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации. Екатеринбург, 2009. 396 с.
45. Фадеичева М.А. Диаспора и состояния этнического индивида // Диаспоры. 2004. № 2. С. 140-154.
46. Фадеичева М.А. Этнополитические концепции этнонациональных общностей и индивидов: автореф. дис. ... докт. полит. наук. Екатеринбург, 2004. 43 с.
47. Хоперская Л.Л. Этнические диаспоры в локальных конфликтах (на примере Ростовской области) // Диаспоры. 2004. № 4.
48. Черных А.В. Образы таджиков-мигрантов в пермской прессе // Новые этнические группы в России. Пути гражданской интеграции. М., 2009. С. 304-306.
49. Черных А.В. Общественный центр таджиков г. Перми // Новые этнические группы в России. Пути гражданской интеграции. М., 2009. С. 325-328.
50. Шевцова А.А. Народы Закавказья в поликультурном пространстве Республики Мордовия: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Чебоксары, 2012. 46 с.
51. Armstrong J. Mobilized and proletarian diasporas // American Political Science Review. 1976. № 2. P. 393-408.
52. Armstrong J. Mobilized diaspora in Tsarist Russia: The case of the Baltic Germans // Soviet Nationality Policies and Practices. New York, 1978. P. 63-104.
53. Bonacich E. A theory of middlemen minorities // American Sociological Review. 1973. № 38. P. 583-594.
54. Bonacich E., Modell J. The Economic Basis of Ethnic Solidarity. Small Business in the Japanese American Community. Berkeley, 1980. 290 p.

55. Cohen R. Global diasporas. An introduction. London and New York, 2008. 240 p.
56. Cohen A. Cultural strategies in the organization of trading diasporas // The Development of Indigenous Trade and Markets. London, 1971. P. 266-281.
57. Curtin P. Cross-Cultural Trade in World History. Cambridge, 1984. 293 p.
58. Esman J.M. Diasporas and International Relations // Modern Diasporas in International Politics. New York, 1986. P. 333-349.
59. Faist T. Diaspora and transnationalism: What kind of dance partners? // Diaspora and Transnationalism: Concepts, Theories and Methods. Amsterdam, 2010. P. 9-34.
60. Marienstras R. On the Notion of Diaspora in Minority Peoples in the Age of Nation-States. London, 1989. P. 119-125.
61. Safran W. Diasporas in modern societies: myths of homeland and return // Diaspora. 1991. № 1. P. 83-99.
62. Shepperson G. The African Abroad or the African diaspora // African Forum. 1966. № 2. P. 76-93.
63. Sheffer G. A New Field of Study: Modern diasporas in international politics // Modern Diasporas in International Politics. New York, 1986. P. 1-15
64. Skinner E. The Dialectic Between Diasporas and Homelands // Global Dimensions of the African Diaspora. Washington, 1993. P. 11-40.
65. Tölölyan Kh. Rethinking Diaspora(s): Stateless Power in the Transnational Moment // Diaspora. 1996. № 1. P. 3-36.
66. Wang G. The Chinese Overseas: From Earthbound China to the Quest for Autonomy. Cambridge, 2000. 160 p.
67. Ashkenasi A. Identitätsbewahrung, Akkulturation und die Enttäuschung in der Diaspora // Identität in der Fremde. Bochum, 1993. S. 106-116.
68. Dabag M., Platt K. Diasporas und kollektive Gedächtnis. Zur Konstruktion kollektiver Identitäten in der Diaspora // Identität in der Fremde. Bochum, 1993. S. 117-145.

Поступила в редакцию 07.10.2018

Авдашкин Андрей Александрович, кандидат исторических наук, методист
ГБУ ДПО «Региональный центр оценки качества и информатизации образования»
454091, Россия, г. Челябинск, ул. Комсомольская, 20А
E-mail: adrianmaricka@mail.ru

A.A. Avdashkin

GLOBAL AND LOCAL DIASPORAS

The proposed article examines the main trends in the study of diasporas by historians, anthropologists, sociologists and political scientists at macro and micro levels. The text summarizes the effective ideas of representatives of foreign and domestic schools studying ethnic phenomena. The foundation of the macro approach is the fundamental works of foreign authors. They are written in the tradition of «diaspora-victims» (classical diasporas), the ideas about trade minorities (ethnic) prevail. Important positions are given to the postulates of transnationalism. The attention of scientists was attracted by cross-border links and contacts, participation of diasporas in international relations. For example, in the form of lobbying for the interests of the historical homeland or country of exodus. In this interpretation, the diasporas are called «global» and look like a lot of organized «communities» that form influential social, cultural, economic and sometimes political units. The «global» diasporas are virtual. They are based on common origin and values, knowledge and assessments, which follow from this. Solidarity is symbolic, manifested as a rule in the days of national and religious holidays, anniversaries of important historical events, etc. This can not be said about the representatives of ethnodisperse groups, which form local enclaves. In them, the commonality of origin is complemented by the commonality of living, spatial and social affinity. The application of micro-approaches involves the description of diaspora and migrant associations in narrower territorial frameworks and conceptual boundaries. They include a region, a city, a settlement, a family or even a separate ethnic individual. The localization of the research object enables the historian to more fully understand the specifics of the relations within the diasporas, to see in detail how these communities function, what is the lifestyle of their members, what is the diaspora as a specific life situation and (or) personal choice.

Keywords: diaspora, historical studies, global diasporas, cross-border interactions, ethnic individual, local diaspora communities.

Received 07.10.2018

Avdashkin A.A., Candidate of History, Methodist
Regional Center for the Assessment of the Quality and Informatization of Education
Komsomol'skaya st., 20A, Chelyabinsk, Russia, 454091
E-mail: adrianmaricka@mail.ru